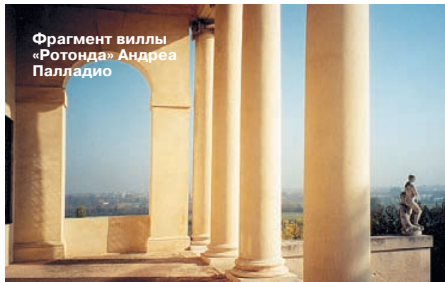

ПОЗИЦИЯ / АЛЕКСАНДР СКОКАН

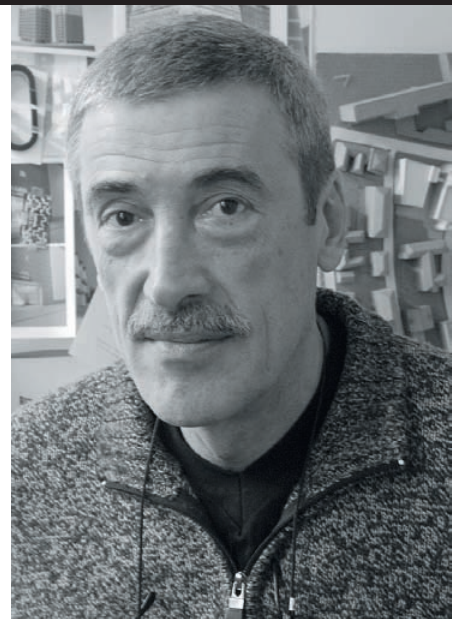

Фрагмент виллы
«Ротонда» Андреа
Палладио

Александр Скокан

[биография]

■ Родился в 1943 году. Закончил МАРХИ в 1966 году. С 1966 по 1969 год работал «Моспроект-2», потом – в ЦНИИ Теории и истории архитектуры, а также секторе экспериментальных разработок НИИПИ Генплана Москвы. В 1989 году создал архитектурное бюро «Остоженка», которое возглавляет до сих пор. Из наиболее значимых работ – здание ММБ (1992), офисное здание в Дегтярном переулке (1997), офис ГлавУПДК (2000), офисное здание на Брестской улице (2003), жилой комплекс «Панорама» (2005).

Тибетский монастырь
Гандан

Александр Скокан

1. Слова, какими вы описали бы свою архитектуру?

Хотелось бы, чтобы она была современной и уместной. Что теперь можно назвать современным? Вопрос сложный и спорный, особенно сейчас, когда больше нет определенных стилевых характеристик, присущих данному времени. Есть скорее одновременное присутствие различных стилевых возможностей, нет жестких стилевых ограничений и запретов. Поэтому все расплывчато и неопределенно.

Уместность, то есть прилаженность архитектурного объекта к месту, где он должен быть построен, или, говоря более профессионально, пространству – критерий более основательный. Хотя и он, конечно, эмоциональный и субъективный. Современный мир предательски изменчив, и поэтому, по моему убеждению, сегодня цель архитектуры – вернуть ощущение устойчивости и гармонии пространственного окружения.

2. Что в проектной работе вы никогда не доверили бы другому, включая самых опытных и проверенных специалистов вашего бюро?

С одной стороны, никому и ничего из относящегося к своей работе доверять нельзя. Особенно если хочешь иметь право потом сказать: это мое, это я. Поэтому естественно стремление автора все важное делать самому или, по крайней мере, жестко контролировать процесс. Но поскольку это невозможно, доверие и неиз-

бежно, и необходимо. Установление доверия или взаимопонимания, из которого вытекает взаимодействие, должно происходить на концептуальной стадии проекта, когда обсуждаются и устанавливаются основные структурные и стилевые характеристики объекта. От того, насколько эти установки логичны, несубъективны и доказуемы, зависит степень доверия на последующих стадиях, когда он распадается на части, разделы, уровни.

Вообще, процесс проектирования и роль в нем автора-архитектора можно сравнить с приготовлением блюда, когда дело повара – обеспечить закладку правильного продукта в нужный момент, приглядывать, помешивать, пробовать, добавлять чего-то в процессе и точно знать, когда блюдо готово.

И этот момент определения его готовности не хотелось бы доверять никому.

3. Каковы ваши «зоны особого внимания» в работе над проектом?

Правильная и точная постановка проектной задачи, поскольку все проектные ошибки начинаются с неверной или неточной установки. Тогда интеллектуальный и временной ресурсы проектировщиков тратятся напрасно.

4. С кем из архитекторов, отечественных и иностранных, вы хотели бы работать?

Совместная работа – это тонкий и деликатный вопрос. Твой соавтор должен быть, в первую

очередь, интересен тебе как личность, а работа с ним – приносить удовольствие, помогая открывать в себе иные возможности и таланты. По идее, вместе вы должны быть способны создать нечто, чего ни один из вас не смог бы сделать самостоятельно. Для меня интереснее всего работать с художниками, поскольку они могут и знают то, чего не умею я. Национальность при этом не имеет значения.

5. Назовите «места архитектурной силы», где вы заряжаетесь от архитектуры.

Это могут быть как архитектурные объекты, так и ландшафты, тексты, искусно изготовленные предметы, да и все что угодно, что совпадает с настроением, направлением поиска или просто остановит, удивит, обрадует.

Вообще, «местами силы» для меня служат уединенные или дикие места, необжитые или заброшенные людьми, что, очевидно, связано с потребностью видеть мир заново.

6. Основная проблема современной российской архитектуры?

Скорее архитекторов, а не архитектуры – отсутствие самоуважения. Профессия, ушибленная дважды, в 30-х и в 50-х годах, так и не смогла вполне оправиться. По-прежнему наш архитектор внутренне готов к грубому окрику градоначальника, чиновника или заказчика. Во всяком случае не удивится и не сделает вид, что это не к нему относится. АРХ